

ШУАН МЭЙХУА

БЕЛЫЙ ЛИКОРИС В ДОЛИНЕ БЕССМЕРТНЫХ

ТОМ 2

LIKE
BOOK

18+

Шуан Мэйхуа
Белый ликорис в Долине
бессмертных. Том 2
Серия «Young Adult. В
долине бессмертных», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73942792

Белый ликорис в Долине бессмертных. Том 2: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-246796-7

Аннотация

Кровавые похождения принца Ю Вэйюаня и демона Му Яна продолжают во втором томе – на просторах Долины Бессмертных!

Наследный принц Ю Вэйюань выжил назло всем, но возвращение в императорский дворец оборачивается ловушкой. Шепот заговоров эхом разносится по коридорам, загадочные убийства сеют хаос в столице, а тайна его рождения тянется кровавым следом. Родные, чьи улыбки острее кинжалов, оказываются опаснее врагов. В этой паутине Му Ян, раб наследного принца, вынужден стать щитом для того, кого ненавидел.

Сколько крови им придется пролить, чтобы спасти себя?

Тропы: «серая мораль», «дворцовые интриги», «дарк-фэнтези», «демоны», «возрождения».

Для фанатов «Янтарь рассеивает тьму» от Люциды Аквилы, «Злодейский путь!..» от Эл Моргот и «Рассеивая сумрак» от Сэм Альфсен.

На страницах книги вас ждут

- эпические сражения;
- бог в теле смертного;
- перерождения;
- демон, который ненавидит своего хозяина.

Содержание

Глава 29. Сыванхуа	9
Глава 30. Мечи из ножен	32
Глава 31. Правда, что ранит больше ножа	48
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Шуан Мэйхуа

Белый ликорис в Долине бессмертных. Том 2

Иллюстрация на обложке от *Zialron*

Иллюстрации во внутреннем оформлении и на форзацах
от *JuVi*

© Мэйхуа Шуан, текст, 2026

* * *

Зная, что впереди эта история может обернуться еще бо-

лее жестокими и трагичными событиями, решитесь ли продолжить?

И даже если вы опустились на самое дно, помните: именно сейчас под ногами есть почва, от которой все еще можно оттолкнуться.

Приятного чтения...

Там пал небесный император,
Обрушилась кара небес,
Меч искупления пронизан
Отвагой, болью – Цзинвэй!¹

Сердце – как пепел на ладонях,
Пророчество шепчет о тьме,
Один – без имени, без рода
Нефрит стоит, в алом шелке...

¹ Цзинвэй (*кит. трад. ##, упр. ##*) – зооморфный персонаж из китайской мифологии.

Глава 29. Сыванхуа

Тишину разорвал мучительный крик наследного принца. Его горло наполнилось кровью. Она стекала по подбородку, оставляя за собой продолговатые багровые потеки, вызывая приступ кашля и удушья, заставляя снова и снова задыхаться.

Старый монах не спеша подошел к нему и разрезал ханфу, тем самым оголив торс Ю Вэйюаня. По нефритовой коже Его Высочества обильно стекали капли холодного пота, поблескивая в полумраке. Каждый раз, когда его тело изгибалось в пояснице от ломающихся костей, грудь высоко вздымалась, отчетливо выделяя ребра, а из горла то и дело вырывались мучительные, прерывистые стоны. Ведь его душа сейчас сгорала в пламени Диюя, стирая воспоминания и уничтожая сознание собственного «я».

Чтобы Ю Вэйюань не мог двигаться, служители храма крепко связали его руки и ноги железными цепями. Затем они подняли его и поставили на колени, приказав подчиняться их воле.

В полумраке пламя от множества зажженных свечей сжигало последние крупницы кислорода. На мгновение Ю Вэйюаню удалось прийти в себя, но его сознание было затуманено, и вместо привычных для него соучеников и учителей школы, где он прожил, скрываясь от внешнего мира, более

десяти лет, Ю Вэйюань увидел серые тени, тянущие к нему свои омерзительные руки.

– Не подходите. Оставьте меня в покое. Оставьте!

Это все, что успел произнести принц, перед тем как вновь погрузился в небытие. Его попытки как-либо воспротивиться были тщетными и по-детски смешными.

Стены давили на него, а внутренности выворачивались наизнанку. Этой боли было настолько много, что от агонии в какой-то момент он вообще перестал что-либо чувствовать. Казалось бы, что может быть ужаснее смерти? Наверное, продолжать свое жалкое существование, ничего более не чувствуя. Ни холода, ни жара, ни боли, ни радости. Когда мир становится серым, теряя все живое и безжизненное. Когда ты не понимаешь, жив ли ты еще или уже давно умер? Сон ли это или твой кошмар наяву? И теперь это твоя реальность, от которой тебе не сбежать. Ведь причина кроется не извне, а внутри тебя. Ты и есть причина собственного несчастья.

Когда союзники и враги натянули одинаковые маски и впредь ты не различаешь их и не понимаешь, кому стоит доверять. Да и стоит ли вообще пытаться кому-то что-то доказать? Если ты – всего лишь недостающая часть чьего-то зловещего плана, а твои желания и чувства – не более чем твои собственные проблемы.

Сколько бы ты ни кричал, никто не придет тебе на помощь. Но самое ужасное, когда ты перестаешь бороться, и

твое сердце прорастает ядовитыми цветками смерти. А ведь мгновение назад ты так желал, чтобы хоть кто-то проявил сочувствие. Это жалкое, низменное человеческое чувство. Даже если оно и будет очередным притворством, ты до последнего ждешь и надеешься.

Однако в ответ получаешь тишину и безразличие. И в какой-то момент ты выстраиваешь непробиваемый барьер, отстраняя себя от окружающего мира. Ведь там, где нет ничего, никто не посмеет причинить тебе боль. И это чувство полного выгорания – самое страшное, что может с тобой случиться... *Это намного страшнее самой смерти...*

Пустые взгляды, скрытые под толстой кожей растянутых в неискренней улыбке личин, – они смотрят, как ты умираешь, взирая на твои страдания. А тебе лишь остается гадать, насмехаются они над твоими жалкими попытками борьбы или же остались те, кто сохранил в себе остатки человечности. Хотя бездействие не сотрет с их рук невинной крови, но все же дает какую-то надежду.

Тело Му Яна также было покрыто рваными порезами и гематомами. Лань Шицан запер его в сарае вместе с Лань Сюэ, чья душа уже покинула этот мир. На тонкой шее демоницы застыли частички запекшейся крови в виде рябиновых бусин.

Му Ян протянул дрожащие пальцы, прикрыв Лань Сюэ глаза, позволив демонице погрузиться в мир прекрасных сновидений, где больше она не будет страдать от рук тех, ко-

го так любила.

Дверь со скрипом отворилась, и вдоль сарая протянулась серая тень высокого стройного мужчины, вызвав очередной приступ злости и негодования у Му Яна. Он оскалил белые клыки, когда Лань Шицан опустился на колени, чтобы поднять труп своей старшей сестры.

Му Ян попытался помешать этому, однако Лань Шицан оказался куда проворнее его и, пнув демона в живот, отбросил в сторону, дабы тот не мешался под ногами. Откашлявшись кровью, Му Ян проговорил:

– Где Его Высочество наследный принц?

Когда их взгляды встретились, кадык демона дрогнул. Хотя они и виделись ранее мельком, но в тот раз у Желтого источника в Диюе этот белокурый юноша смотрел на него совсем иначе. На мгновение Му Яну даже показалось, что на него смотрит Ю Вэйюань. Но кровные узы явно сыграли злую шутку. Стоит этим двоим встать рядом, как даже не осведомленный об их родстве человек подумает, что они братья. Лань Шицан был убит в возрасте около двадцати лет, а значит, был на пару месяцев старше Му Яна и своего сына опережал на два лета.

Белокурый демон ничего не ответил, лишь прикрыл за собой двери и куда-то ушел с трупом Лань Сюэ на руках.

Стояла глубокая ночь, и звук хруста снега под тяжелой поступью демона отдалялся, смешиваясь с резкими порывами знойного ветра и карканьем воронов.

Во всяком случае, Лань Сюэ уже было не спасти, и Му Ян это прекрасно понимал. Проведя столько времени вместе с принцем, Му Ян все же смог разглядеть в этом лицемерном подлеце что-то хорошее, пусть и спрятанное глубоко под снегом и слоем железных игл. Возможно, это что-то уже было разбито и сломано, но все еще пригодно для того, чтобы приносить свет в этот мир. Но тем не менее невозможно было отрицать тот факт, что жизнь поистине несправедливо обходилась с наследным принцем. Хотя и судьбе Му Яна не позавидуешь, он все равно чаще думал о других, нежели о себе и своем будущем.

Не прошло и пары фэней, как Лань Шицан снова вернулся, но на этот раз за ним. словно безродную дворнягу, Лань Шицан схватил Му Яна за волосы и вышвырнул на улицу, а тонкие паутины, пропитанные демоническим Ци, бесцеремонно обвились вокруг шеи демона, не позволяя сделать ни вдоха, ни выдоха. Сломанные ребра то и дело причиняли боль, а теперь белокурый демон перекрыл воздух, а в случае неповиновения и вовсе мог лишить его жизни.

Му Ян был живым свидетелем того, как послушная марионетка выполняет приказы своего господина. Во всяком случае, не стоит вестись на внешний вид этого несчастного. Это всего лишь сосуд, что полон мертвечины. Не имеющий ни своего мнения, ни собственного сознания. Таким же был и Цзюнь-шан Лун Чжи, но Му Яну на мгновение показалось, что даже бывший Император демонов не был настолько си-

лен, как его названный сын. Возможно, Муоуши потратил куда больше времени и сил на создание любимой игрушки и дело было в этом, а возможно, Лань Шицан еще при жизни был куда сильнее своего названного отца.

Так и умирают, пропадая в небытие, мастера боевых искусств. Одаренные и великие. А гибнут из-за низменных, свойственных смертным людям чувств, таких как любовь и сострадание. Ведь Лань Шицан умер из-за любви к Ван Су. Он даже ослушался приказа Цзюнь-шан Лун Чжи и выбрал сторону Ван Чэна во время восстания шести великих государств. А после он, на которого взвалили все грехи и беды, растворился каплей в море.

Му Яну приходилось в спешке перебирать ногами, чтобы поспевать за демоном. Не успев дойти до храма Будды, куда его волок Лань Шицан, фиолетовые глаза тут же округлились, услышав протяжный крик Ю Вэйюаня. Над местом, куда они направлялись, собрались грозовые тучи, а молнии, словно золотые драконы, металась из стороны в сторону. Казалось, от этого вопля содрогнулся не только мир смертных, но и небесные чертоги, как и сама преисподняя.

Стоило им войти, как в нос тут же ударил приторный запах благовоний вперемешку с запахом свежей крови. Ю Вэйюань сжимал цепи, на которые его подвесили, его пальцы побелели, да и сам принц выглядел ни живым, ни мертвым. Бледные губы были приоткрыты, рот заполняла розовая пена, а из глазниц текли кровавые слезы, медленно скользя по

щекам и срываясь с подбородка, растворяясь в багряной луже на холодном полу.

Наверное, Му Ян никогда ранее не произносил его имя с таким беспокойством.

– Ю Вэйюань.

Вот только принц не слышал этого шепота, такого теплого и до боли необходимого...

Ю Вэйюань лишь время от времени издавал тихие стоны боли, когда кожаный кнут очередной раз хлестал его по спине, рассекая плоть до самых костей. Но на этот раз губы принца расплылись в довольной ухмылке, от которой Му Яну стало еще больше не по себе.

В тот раз в деревушке Шицзяо во время омовения Му Ян подметил давние шрамы на спине принца, но они были настолько старыми, что белые полосы почти сливались с гладкой кожей цвета белого нефрита. Лишь в тот раз из-за горячей воды даже через пелену пара их было видно. На мгновение Му Ян подумал, что наследный принц сильно поранился в детстве, но сейчас, воочию узрев, как старый монах хлестает его плетью с полным равнодушием, демона осенило: «Неужели эти лысые приспешники избивали наследника императора? Разве кто-то в здравом уме будет заниматься подобным?»

Стоило монахам в одинаковых одеяниях прикрыть лица масками, как демон наконец понял, что к чему. Эти люди не были на стороне принца и не были под чарами врага. Они с

самого начала знали, что перед ними вовсе не младший сын императора, а полукровка, узурпатор, демон... Зло...

Они действовали по собственной воле и желанию. А учитывая тот факт, что принц прожил большую часть своей жизни тут и просил похоронить его в Долине бессмертных, Ю Вэйюань, возможно, даже не знал, что место, которому принадлежит его сердце, кишит предателями и врагами, подобно яме с ядовитыми кобрами. Она еще опаснее, чем императорский дворец, переполненный лицемерами и самовлюбленными павлинами.

Застав принца в таком состоянии, Му Ян захотел сжечь дотла это место со всеми этими лысыми монахами. Протянуть принцу руку и помочь встать с колен, а всех тех, кто причиняет ему боль, заставить пасть и отбивать три тысячи поклонов, убиться в собственном искуплении. В грудной клетке что-то сжалось, стало еще труднее дышать. Но виной тому были вовсе не путы, больно впившиеся ему под кожу, а что-то другое, более глубокое.

Не тратя времени, Лань Шицан приковал его, а после устремился к Ю Вэйюаню. Его Высочество стоял коленями в собственной луже крови, пасть ниже не давали цепи, ибо они все еще удерживали его на весу. Лань Шицан присел и, проведя пальцем по щеке мертвой старшей сестрицы, зацепился взглядом за единственное украшение девушки, за шпильку, что сцепляла ее белые локоны в вечно растрепанный пучок. Лань Сюэ хоть и была прекрасна собой, но манерами похо-

дила на деревенского мальчишку или закаленного мечника, что не особо следит за своим внешним видом или словами. Судьба обошлась с ней довольно жестоко, сорвав лепестки слишком рано, тем самым убив все самое нежное и прекрасное еще в самом начале цветения, превратив демоницу в ту, которой она стала.

Лань Шицан вынул шпильку из ее волос, на мгновение застыл, о чем-то задумавшись. Это оцепенение длилось недолго. Спрятав заколку в рукав, демон потянулся за мешочком цяньюнь, висевшим на ее поясе, выпотрошив все содержимое.

Лань Сюэ действительно любила таскать все с собой, включая как самое нужное, так и те вещи, которые пылились годами. Осколки алого лезвия вместе с черной рукоятью высыпались с металлическим звоном и упали на пол. На лице Лань Шицана не дрогнул ни один мускул, когда он поднял один из осколков и вонзил его в тело своей старшей сестры. Осколок обжигал, разъедая как плоть уже мертвой демоницы, так и кожу на пальцах ее младшего брата до белых костяшек, пока он хладнокровно вырезал ее сердце. Фиолетовые глаза Му Яна залились горькими слезами. Он стиснул зубы и, подавшись вперед, прорычал:

– Чудовище... Убери от нее свои грязные руки... Что ты... – Му Ян замолк, когда, встретившись с холодным взглядом Лань Шицана, заметил одну-единственную скатившуюся слезу из его глаз. Лишь на мгновение ясность ума

вернулась к Лань Шицану, как вновь угасла, словно погасшее пламя свечи.

Он окунул пальцы в ее нутро, достав сердце, которое более не билось. Спустя какое-то время, когда до Му Яна наконец дошло, что собирается делать дальше этот восставший из мертвых демон, он закричал:

– Что ты делаешь? Он же твой сын! Она же твоя сестра... Она так любила тебя. Она все делала ради тебя.

Лань Шицан провел окровавленными пальцами по обветренным губам своего сына, а после, запрокинул его голову назад и надавив на челюсть, заставил открыть рот. Монах, что все это время наносил удары плетью по спине принца, сделал шаг назад, отложив окровавленный кнут. Когда душа испепелена, а тело более не чувствительно к физической боли, остается только позволить томящейся душе Чжоу Чжуаньсу наконец переродиться. А для этого ему необходимо вернуть то, что было у него отнято.

На глазах Му Яна отец Ю Вэйюаня скармливал своему сыну сердце своей родной старшей сестры. Не спеша, понемногу. Время от времени подбадривал его и звал по имени... Но только имя, которое нашептывал Лань Шицан, принадлежало вовсе не принцу, а Богу севера...

У Му Яна скрутило живот от столь омерзительной и до ужаса чудовищной картины. Слезы катились по его щекам, губы дрожали. Когда последний кусок уже гнилой плоти был протолкнут в горло Ю Вэйюаня, его белые ресницы дрогну-

ли, а глаза наконец распахнулись. Такие яркие, небесные.

– Они голубые, – проговорил Му Ян, понимая, что им удалось пробудить Чжоу Чжуаньсу. Демон хорошо помнил, что глаза Его Высочества были цвета грозовых туч. Но где... Где тогда душа наследного принца? Она же не могла исчезнуть? Не могла раствориться и позволить этому чудовищу овладеть телом принца? – Нет... Нет... – сорвалось с дрожащих губ Му Яна. Он потряс головой, не веря развернувшейся перед ним сцене. Точнее, он не хотел верить.

Слезы снова полились из его глаз. Он привык терять людей и никогда не беспокоился о своем благополучии, но видеть такой конец Ю Вэйюаня было выше его сил. Более того, он не желал признавать тот факт, что у них получилось вытолкнуть душу принца из его собственного тела. И кто опустил до того, чтобы замарать руки Лань Шицана в крови собственной сестры и сына?

Чжоу Чжуаньсу сначала посмотрел на Лань Сюэ, что лежала у его ног с дырой в груди, а после перевел взгляд на ее младшего брата. Лань Шицан спросил:

– Чжоу Чжуаньсу?

Мужчина кивнул. Лань Шицан тут же встал и отдал приказ освободить его из цепей, дабы не доставлять неудобства. Чжоу Чжуаньсу тяжело дышал, казалось, он все еще чувствует себя некомфортно в теле Ю Вэйюаня. Хотя ранее часто практиковал подобное и наслаждался в свое удовольствие. Один из монахов сделал нерешительный шаг назад.

Чжоу Чжуаньсу язвительно усмехнулся, заметив, что их лица скрывают маски.

Нестихаемый звон цепей в попытках Му Яна высвободиться резал слух. Чжоу Чжуаньсу приподнял бровь и, увидев знакомый лик демона, не сдержал язвительного приветствия.

– Оооо... И ты здесь. Давно не виделись...

Вот только ухмылка тут же исчезла с лица Бога, сменившись негодованием и даже яростью. Хотя кого он обманывает. Чжоу Чжуаньсу еще с самого начала знал, что его просто так не оставят в покое, прогадай кто, что есть шанс вновь его возродить.

Лань Шицан стоял прямо, сложив руки за спиной, словно преданный последователь или ученик, но в глазах окружающих он был хуже преданной дворняги.

– Хозяин рад, что вы снова с нами. Надеюсь, это тело не приносит вам дискомфорта.

– Чего тебе и твоему *хозяину* от меня нужно?

Слово «хозяин» Чжоу Чжуаньсу произнес с особой неприязнью. Неужели ему потребовалось пройти десять кругов Диюя, умереть и воскреснуть лишь для того, чтобы снова преклонить перед кем-то колени. Не успев возродиться, этот Бог снова захотел упокоиться, лишь бы оказаться подальше от всего этого.

– Ваша сила взамен на все, что пожелает ваше сердце. Золото, храмы, последователи. Все это вам подарит Сын Неба.

– Вот как, – иронично протянул Чжоу Чжуаньсу, – все, о чем я пожелаю...

Марионетка не обладала способностью ощущать эмоции и не могла распознать угрозу, если собеседник не проявлял явной агрессии в своих действиях или словах. Вот только монахи начали переглядываться между собой, даже Му Яну стало не по себе...

Чжоу Чжуаньсу призвал меч, и спустя мгновение бело-снежный клинок Лань Сюэ проткнул живот Лань Шицана. Последний даже не успел понять, что произошло, как Чжоу Чжуаньсу оскалил зубы и устремился вперед, пока не пригвоздил белокурого демона к стене. Бог медленно повернул рукоять меча, заставляя внутренности безжизненной куклы вывернуться наружу, и не отрывал взгляда от стеклянных глаз, пока кровь наполняла горло и рот демона.

В этот самый момент на холодном лезвии просияли иероглифы, проявляя новому хозяину свое имя – Сыванхуа². Белая вспышка тут же погасла, исчезая в потоках алой крови.

– Но всего этого я могу добиться собственными силами. Для чего мне ваш Сын Неба? Передай своему «хозяину», что впредь я не подчиняюсь ничьим приказам, – ледяным тоном проговорил Чжоу Чжуаньсу, напоминая о своем превосходстве и силе. Убрав свисающий локон со лба Лань Шицана, он добавил уже более нежно: – Кажись, забыли, что перед вами сам Бог Севера.

² Сыван (##, Sǐwáng) – смертельный, губительный; хуа (#, huā) – цветок.

Один из монахов, до этого момента хранивший молчание, наконец-то заговорил:

– Но мы делали все для того, чтобы вернуть вас к жизни. Тот случай был ошибкой, и мы...

Чжоу Чжуаньсу покачал головой, цокнув языком. После избияния плетью из ран на его спине все еще сочилась кровь. Да и большая часть всего, что пережил Ю Вэйюань, до сих пор хранилась в его памяти. Не позволив монаху договорить, Чжоу Чжуаньсу с особой жестокостью выдернул меч из тела Лань Шицана и отшвырнул демона, так что его голова ударилась о стену, а на пол посыпалась каменная крошка. А затем отрубил голову подлому лысому монаху.

С белоснежного лезвия Сыванхуа стекала свежая кровь. После смерти Лань Сюэ духовное оружие демоницы перешло ее племяннику и теперь выполняло любой его приказ, послушно лежа в ладони. Когда ударили морозы, Долина бессмертных утонула под покровом снежного покрывала, а когда в храм Будды снизошел бог, несущий погибель, то растеклись реки крови.

Чжоу Чжуаньсу рубил их с особой жадностью убийства. Раньше он не мог тратить время на каждого приспешника, но на этот раз он желал самолично избавиться от них, наслаждаясь криками и мольбами о пощаде. Пусть они были и не теми последователями, что когда-то приложили руку к его смерти, но томящейся в душе ненависти нужен был выход. Ему, по правде, было все равно, кого убивать. Достаточно

было просто кому-то попасться под горячую руку Бога севера.

Старый монах сплюнул на его черный сапог. Он оскалился, демонстрируя разводы крови на белых зубах. Сыванхуа коснулся подбородка монаха и приподнял его голову, вынуждая посмотреть на стоявшего перед ним Бога. Несмотря на то что его сердце бешено колотилось в груди, словно стремясь выпрыгнуть наружу, монах подавил внутренний страх и взглянул в глаза своей смерти.

– Ты самими Небесами проклят... Лучше бы еще тогда мы выставили тебя за дверь, и ты бы сдох в мучениях, как подобает безродной псине. Даже твой скулеж не вызывал бы ни у кого жалости... Лишь презрение! – Слова монаха, обращенные к Ю Вэйюаню, звучали резко, однако не задели самовлюбленного Бога.

– Презрения, говоришь? – усмехнулся Чжоу Чжуаньсу. – На самом деле, я решил позволить Его Высочеству наследному принцу разделить со мной этот прекрасный момент. Как-никак, а он многим пожертвовал, чтобы это тело стало моим. Я обязан отблагодарить его. Так давай, Ю Вэйюань, поделим с тобой эту ненависть...

Последней фразой Чжоу Чжуаньсу явно обратился к принцу. Му Ян поднялся на ноги, чтобы получше разглядеть лицо Бога. Хотя Чжоу Чжуаньсу продолжал улыбаться, взгляд его стал безжизненным, настолько пустым, словно, несмотря на легкий румянец на щеках, его душу сожрали

демоны, оставив лишь пустой сосуд.

Но ведь так оно и было. Ю Вэйюань всегда был лишь сосудом для более сильного существа. Вот только для чего тогда он был рожден? И для чего его близкие столько страдали? Неужели ради того, чтобы Ю Вэйюань так закончил свою жизнь, став очередной пешкой в игре, где правят короли, а остальные фигуры ложатся трупами ради великих? Кто прозвал их великими и кто дал им право вершить судьбы других? Кровная клятва и благородная кровь, что течет в жилах одних. И жилы, что готовы вскрыть другие, дабы пролить эту кровь, не желая продолжать жалкий род и свое никчемное существование. Желая свободы и обыденных человеческих потребностей, которых они лишены в этом перерождении.

Уголок губ принца потянулся еще выше, он продолжал смотреть на коленопреклоненного монаха перед ним. Грязный рот, который ничего, кроме очередного проклятия, извергать не мог. Но в глазах принца это была всего лишь изуродованная серая тень, которая до ужаса пугала – а то, что пугает, нужно уничтожать. Такой урок усвоил Ю Вэйюань: более бежать у него не получится, остается только убивать.

– Я обязательно позволю принцу услышать ваш посмертный крик...

Это последнее, что услышал монах. Не успел он опомниться, как с его плеч уже слетела голова. От столь ужасающей картины остальные монахи покрылись холодным потом

и вскрикнули, воздавая молитвы Небесам.

– Он все еще жив... – прошептал про себя Му Ян, собравшись с силами, и снова позвал его по имени: – Ю Вэйюань...

Чжоу Чжуаньсу проигнорировал попытку демона достучаться до принца. Он позволил Ю Вэйюаню лишь наблюдать за жестокостью происходящего, но не позволял управлять телом и разумом. Устав от скучной жизни, Чжоу Чжуаньсу просто игрался, как когда-то игрались с ним.

– Какому Богу вы молитесь? Что-то я не слышу ваших молитв и не вижу искренности в ваших глазах... Боюсь, если все же никто не снизойдет с небес, мне придется прикончить вас... – Чжоу Чжуаньсу лукаво хмыкнул, расхаживая по храму и своим непринужденным видом заставляя монахов холодеть от страха. – А ведь мы только начали наше знакомство... Как же с вами скучно...

Му Ян повторил имя Его Высочества, не теряя надежды:

– Ю Вэйюань.

Чжоу Чжуаньсу раздраженно прикрыл глаза. Он желал оставить демона напоследок, чтобы хорошенько позабавиться с ним, но тот оказался до жути назойливым. Обернувшись, Чжоу Чжуаньсу наконец ответил Му Яну:

– Будь паинькой, сиди смиренно, пока я тут не закончу. Потом я обязательно обращу на тебя внимание...

Демон же на насмешливый комментарий Бога ответил коротко и твердо:

– Верни его.

Чжоу Чжуаньсу приподнял бровь. Ему эти слова показались смешными.

– Серьезно?

Му Ян не успел ответить Богу, как перед глазами Чжоу Чжуаньсу блеснула пара полупрозрачных нитей.

Увернувшись, Чжоу Чжуаньсу перерезал их одним взмахом лезвия. Несмотря на кровоточащую рану, Лань Шицан так же призвал свое духовное оружие, намереваясь сразиться с Богом на клинках.

– Если Бог не желает повиноваться, то будет уничтожен.

Направив острие Сыванхуа на белокурого демона, Чжоу Чжуаньсу ответил Муоуши, зная, что тот непременно наблюдает за происходящим:

– Как бы ни был силен этот демон при жизни, ему все равно не одолеть меня. А в виде марионетки подавно. Собрал лучших из лучших, а сам небось даже меч в руках не держал...

Нужно помнить, что сейчас это всего лишь марионетка, которую дергают за ниточки. А значит, повадки и мысли всех марионеток, которыми управляет Муоуши, будут одинаковыми. Не зная, на чьей стороне Чжоу Чжуаньсу, Му Ян все-таки рискнул поинтересоваться:

– Откуда ты знаешь, что тот, кто управляет этой марионеткой, не мечник?

– От моей руки пали многие. Перед нами стоит стратег, не воин. Тот, кто любит наблюдать из тени. Наблюдать и рас-

суждать, а после уже делать выводы и действовать. Это место пропитано кровью падших Богов... У Муоуши не должно было возникнуть проблем с управлением столь искусно сотканной игрушкой. Даже когда я проткнул ему живот, он не сопротивлялся.

Лань Шицан стоял молча, внимательно слушая Чжоу Чжуаньсу. На лице мужчины расцвела неискренняя улыбка. Му Ян помрачнел, увидев ее. А вот Бог явно ни о чем не беспокоился.

– Вы, – с должным почтением обратился Лань Шицан к старым монахам, стоящим позади него. Несмотря на то что Долина бессмертных была их территорией, где властен один лишь Будда, они полностью подчинились воле этой демонической куклы, точнее, тому, кто управлял ей. Прищурившись, Лань Шицан с особой нежностью добавил: – Изгоните из этого тела душу.

– С-слушаюсь, – склонив голову, пробормотал один из служителей храма.

Пока Лань Шицан нерушимой стеной стоял между монахами и низвергнутым божеством, что грозил им смертью, те поспешили воспользоваться моментом и сложили ладони в печатях, концентрируя все свое духовное Ци в золотом свечении.

– Угрожаешь мне? – усмехнулся Чжоу Чжуаньсу.

Лань Шицан ответил ему, сохраняя невозмутимость:

– Я даже не думал этого делать...

Чжоу Чжуаньсу выдохнул, а после взглянул на лезвие своего нового клинка. На острие, словно на зеркале, отразилось лицо скованного в цепях Му Яна. Чжоу Чжуаньсу обернулся и перерубил цепи, высвободив демона из оков, и тут же потянул его к себе, желая немного позаимствовать его демоническое Ци. Му Ян, не ожидавший этого, на мгновение оцепенел. Он даже не успел опомниться, как Бог бесцеремонно лишил его части духовной силы. Поток Ци сначала был обжигающим, но вскоре стал теплым, даже слегка прохладным. Серая дымка в глазах напитавшегося темной энергией Чжоу Чжуаньсу растворилась. Он прикрыл свои небесно-голубые глаза и усмехнулся, наблюдая за обессиленным Му Яном, что впервые лишился своей демонической энергии.

– Надеюсь, я не сделал ничего неподобающего...

Му Ян потерял дар речи... Прочистив горло, он все же поспешил отстраниться, но Чжоу Чжуаньсу вцепился в его правое плечо, оттолкнув в сторону.

Яркая вспышка Ци, которую долгое время скапливали монахи, встретила с разрушительной мощью демонического клинка Сыванхуа, но, стоило разрезать золотые всполохи, как повисшие в воздухе сусальные крупички янтарного марева обвились вокруг его шеи, тонкими спицами вонзились в нежную кожу, пронзаясь все глубже, в горло.

Чжоу Чжуаньсу пал, закатив глаза. Чувствуя, как его жизненные силы сейчас буквально высасывают этим ошейником

из чистого золота. Но, несмотря на ужасную боль, Бог продолжал улыбаться. Захлебываясь в обгаренной пене изо рта, он даже смог издать что-то похожее на смех. Он откровенно насмеялся над ними и над тем, кто позволил обмануть себя таким образом. Ему, Чжоу Чжуаньсу, смерть была только на руку. Он взглянул на Му Яна, что находился все еще неподалеку, в полном оцепенении, не зная, как ему помочь и нуждается ли этот Бог в его помощи? Ведь Му Ян не понимал, смеется тот или плачет. Быть может, готовит какой-то план, чтобы убить всех здесь стоящих одним ударом, а Му Ян своей помощью только помешал бы.

Лань Шицан, что хранил молчание все это время, притянул тонкими паутинами все останки сломанного алого лезвия.

Фрагменты кроваво-красного лезвия начали соединяться в воздухе. Несмотря на то что одного из них все еще не хватало, клинок Бога почти вернул свой первоначальный вид.

Му Ян заметил, как взгляд Чжоу Чжуаньсу мгновенно похолодел. смотрел то на маски воронов, что скрывали истинные личины монахов, то на ухмылку Лань Шицана, то на посеревшее лицо Лань Сюэ. В конце концов, обратив внимание на Чжоу Чжуаньсу, что не спускал глаз со своего оружия, Му Ян подумал: возможно, если снова пронзить тело именно этим клинком, то Чжоу Чжуаньсу будет ждать что-то похуже смерти. Ведь даже кожа Лань Сюэ и Лань Шицана на его глазах разъедалась лишь от одного соприкосновения

с этим оружием. Словно кто-то поливал руки раскаленной лавой. Но, конечно, его не волновал сам Чжоу Чжуаньсу, а волновала лишь надежда на то, что отголоски сознания Ю Вэйюаня все еще находились в этом теле.

Монахи вновь сложили печати, и земля под ногами в мгновение затряслась. Двери храма распахнулись, то и дело ударяясь и постукивая от каждого дуновения ветра. Словно за ними самолично явился Циныгуан-ван, чтобы забрать в Диюй. Невидимая сила вырвала их с места, выбросив на улицу, как двух никому не нужных котят.

Они оба упали в снег, окропив ее каплями алой крови. Легкие заполнил холодный воздух, взгляд Му Яна помрачнел еще больше, когда он увидел неестественную усмешку на лице Чжоу Чжуаньсу.

Молния, что все это время нависала над этим местом, получив дозволение от монахов, преобразовалась в две гигантские ладони Будды и уже смертельной угрозой надвигалась на них, чтобы вдавить в землю, не оставив и мокрого места.

Пока золотое свечение размером в пять ли смертельной опасностью надвигалось на них, Лань Шицан закончил соединять фрагменты алого меча воедино. Кроваво-красное лезвие, словно выпущенная из лука стрела, устремилось прямо в сердце Бога.

Чжоу Чжуаньсу распахнул глаза, когда Му Ян, не задумываясь, встал живым щитом и заслонил его своим телом. В последний момент меч снова рассыпался, и все осколки ало-

го лезвия один за другим вонзились в Му Яна. Из плотно сомкнутых губ просочилась струйка свежей крови. Он нахмурился. На лбу проступили капельки пота, было холодно, а с неба падал снег. Му Ян хрипло проговорил, смотря в глаза Богу. Выдавливая последние крупы воздуха, тщетной просьбой, которая все еще не утратила надежду в его сердце:

– Верни мне его... – а после потерял сознание.

Глава 30. Мечи из ножен

Снежинка причудливо кружилась в порывах ветра, пока не опустилась на ладонь наследного принца, а затем растаяла. Ю Вэйюань смотрел вдаль, наблюдая, как глыбы льда сверкают множествами изумрудных крупниц под лучами едва пробудившегося теплого солнца. Ледовитое море располагалось в самой северной части Биянья. Но в этом году весна пришла в эти края на удивление стремительно рано.

После того дня, когда Ю Вэйюань лишился всего, включая собственное тело и сознание, его существование в этом бренном мире превратилось в сущий кошмар. Он привык находиться вдали от своих близких, но не знал, что такое терять близкого человека по-настоящему. Он скучал по своей матери, но он не мог даже представить, чего поистине был лишен. Он не помнил ее запаха, не помнил ее голоса, не помнил даже ее лица. Он скучал просто по тому, кого у него никогда не было, чего всегда был лишен.

На протянутой ладони, где еще мгновение назад блестела снежинка, теперь растекалась прозрачная капля. Ю Вэйюаню стоило лишь пожелать, как белоснежный Сыванхуа тотчас же яркой вспышкой возник и послушно лег на его ладони.

У принца ныло сердце от томительной боли разлуки и осознания того, что все, что с ним произошло, было не слу-

чайным стечением обстоятельств, а чьим-то хорошо продуманным зловещим планом.

Ю Вэйюань рассек лезвием воздух, чувствуя, как его окутывают холодные потоки Биянья. Как тело становится неведомым, словно перышко. Как Ци, одновременно демоническое и божественное, циркулирует по его венам. Как его глаза видят дальше прежнего, а слух стал нечеловечески острым.

Позади послышались шаги. Ю Вэйюань не обернулся, продолжая попытки свыкнуться со своим новым даром, которым его наделили, одновременно прокляв. По правде, он сам не знал, кто и на что он способен теперь.

Единственное, что умел Ю Вэйюань лучше всего, это сдерживаться, сжимая все эмоции и чувства в кулак и запихивать глубоко себе под ребра. Там, где острыми иглами, словно ядовитыми шипами, проникает в его сердце вся эта боль, которую он вынужден скрывать и никому не показывать. Просто потому, что никому по-настоящему нет до нее дела. Все, кого он по-настоящему любит, непременно погибнут самой ужасной смертью, и в этом будет повинен только он сам. Все хотели ему помочь. Он же всегда был в принимающей позиции или тем, от кого что-то требовали по праву его рождения. Теперь же Ю Вэйюань только хотел мести. За родных и любимых, за свою искалеченную жизнь, в конце концов. Ведь ему тоже было невыносимо больно все это время...

Му Ян подошел к принцу и остановился, наблюдая, как белоснежные локоны Его Высочества, подхваченные порывами ветра вперемешку со снегом, развеваются, словно хвосты девятихвостой лисицы.

Не оборачиваясь, Ю Вэйюань опустился на землю, обращаясь к демону:

– Ты смог достать то, о чем я тебя попросил?

Му Ян сжимал в руках небольшой бумажный пакетик, который только что украл. Да, ему в действительности приходилось воровать как еду, так и другие вещи. Например, этот дорожный порошок, в состав которого входят чернила каракатицы, минералы и какие-то травы. А все для того, чтобы окрасить волосы наследного принца обратно в черный цвет. Ибо белые слишком бросались в глаза.

Биянья был под влиянием семьи Хань, а значит, разгуливающий здесь Ю Вэйюань, что обрел большую силу, мог привлечь внимание любого заклинателя среднего уровня. Демон тут тоже не особо жаловали, но Му Ян каждый раз наступал себе на горло и выбирался в город, чтобы хоть как-то выйти из сложившейся ситуации и пережить ее. Уйти от Ю Вэйюаня он не мог. Просто потому, что не знал куда податься, да и оставлять принца одного в таком нестабильном состоянии он не хотел.

Ю Вэйюань отозвал меч, оголил торс и сел в позу лотоса, погрузившись в медитацию. Раньше он не жаловал это дело, всегда отвлекался на любой шорох, постоянно ерзал, не в си-

лах усидеть на одном месте. Сейчас же Ю Вэйюань вел себя куда сдержаннее и серьезнее. Этот груз ответственности, что самолично возвел принц и возложил на свои плечи, на глазах шатался и сыпался. В любой миг готовясь обрушиться на весь мир и выпустить ужасающую демоническую сущность, что принц так отчаянно душил в себе, пытаясь сохранить ясность ума.

Му Ян взял небольшую глыбу льда, напоминавшую полупрозрачную чашу, зачерпнул немного морской воды и развел порошок до консистенции жидкой кашицы. Пока Ю Вэйюань пытался контролировать потоки Ци в своем теле, ловкие пальцы демона втирали черную жижу в белоснежные локоны принца. Казалось, будто неопытный художник возомнил себя искусным мастером и решил взять кисти, изобразив что-то годное на чистом холсте, но лишь испортил его своими стараниями.

От холода по коже Его Высочества пробежала дрожь. Причина, по которой Ю Вэйюань так отчаянно хотел избавиться от этого цвета волос, крылась еще и в другом – он просто не мог смотреть на свое отражение. До этого все отзывались о нем как о прекрасном юноше, с самого рождения он обладал нежными чертами лица, как и у самой императрицы Ван Су. С взрослением его черты становились более мужественными и грубыми. Теперь же его собственное отражение напоминало ему Лань Шицана.

После того как Му Ян застал Ю Вэйюаня в подавленном

состоянии, ведь тот намеревался отрезать свои локоны чуть ли не под самый корень, дабы избавиться от кровного родства с Лань Шицаном, Му Яну ничего другого на ум не пришло, как предложить перекрасить волосы принца обратно в черный.

Распределив краску по всей длине, бережно втерев в каждую волосинку, Му Ян убрал остатки, намереваясь окрасить брови и ресницы принца. Ведь те так же стали белыми, словно покрылись инеем.

Окрасив брови, Му Ян хотел приступить к ресницам, но Ю Вэйюань, что все это время смиренно сидел, открыл глаза и схватил его за руку.

– Ты чего делаешь? – встревоженно спросил Му Ян.

Он выдернул руку из грубой хватки. Ю Вэйюань еле слышно извинился:

– Прости...

– Если попадет в глаза, будет щипать. Если хочешь, можешь смазать их сам, просто мои руки уже грязные.

Подбородок Ю Вэйюаня дрогнул, он опустил голову и закрыл глаза, позволяя Му Яну завершить начатое. Чувствуя, как мозолистые подушечки пальцев демона прикасаются к его плотно сомкнутым векам, равномерно распределяя краску, Ю Вэйюань не выдержал и разорвал давящую тишину между ними вопросом:

– Луань Чжо, ты же не покинешь меня?

Му Ян усмехнулся, продолжая заниматься ответственным

делом, которое ему доверил сам Его Высочество наследный принц. А теперь еще и один из сильнейших полубогов, в чьих жилах течет и демоническая кровь.

– Я же сказал, что помогу тебе вернуться в Императорский дворец.

– А потом? – настойчиво спросил Ю Вэйюань.

– Мне нет места в столице. Сам знаешь. Если у тебя все получится и враги будут повержены, я бы хотел вернуться к себе на родину.

– Ранее ты не желал туда возвращаться. Что повлияло на твое решение?

Му Ян прикусил нижнюю губу. Глаза принца были закрыты, он не заметил смятения демона. По правде, он не все сумел рассказать наследному принцу. Например, умолчал о том, что Лань Шицан скормил ему сердце его тети, и возможно, поэтому Ю Вэйюань более не чувствовал слабость в теле. Умолчал и о том, что после того, как он накрыл собой Чжоу Чжуаньсу, тот, воспользовавшись моментом, призвал Черного дракона, а потом их перенесло в Биянья. Получив тяжелое ранение, Му Ян на мгновение потерял контроль, поддавшись женскому немому шепоту, что звучал громче криков тысячи мучеников. Этот голос вновь взывал к нему. Подобное случилось с ним лишь единожды на осенней охоте. Как и тогда, он так же слепо следовал приказу демоницы, но на этот раз все было по-другому.

Знал бы Ю Вэйюань, что все не так просто. И что Му Ян,

которому он доверял сейчас, как никто другой опасен для него.

Возможно, если бы не очередная попытка Ба Шэ добраться до Чжоу Чжуаньсу через тело Му Яна, они бы в тот раз так и погибли от кровопотери или утонули бы во льдах Биянья. Не будучи в полной степени ни врагами, но и ни друзьями.

Чжоу Чжуаньсу в последний момент уступил тело Ю Вэйюаню, доверив тому на время право полностью вершить свою судьбу. Кто бы знал, что, наконец получив такую возможность, Ю Вэйюань не оставит Му Яна и не позволит ему утонуть.

Наблюдать за отчаянными попытками принца побороть собственное бессилие для Му Яна было не только тяжело, но и непонятно. Дух дракона помог Му Яну узреть то единственное, что делает принца слабым и одновременно сильным. Тем самым подтолкнул к очевидной правде. Ведь порой то, что мы так тщательно ищем, находится у нас перед носом.

И порой это не всегда что-то ценное и хорошее, хотя не менее драгоценное, а именно жизнь и право отнять ее. Вот только заполучить в руки единственное оружие, способное отнять жизнь Ю Вэйюаня, вовсе не было для демона неким вознаграждением или возможностью запугать. А также возлегло тяжелым бременем и ношей на него.

У Му Яна нет причин вредить ему. Хотя между ними и было много разногласий, в поступках Ю Вэйюаня Му Ян не

видел зла, хотя сейчас Ю Вэйюанем двигала ненависть и желание отомстить. Но это желание добиться справедливости было оправданным. Что уж говорить о том, что кто-то отчаянно не прекращает попытки сломать Ю Вэйюаня и заставить преклонить колени. Му Ян как никто другой знал, каково это. Но куда тяжелее лишаться всего, когда ты рос в золотых дворцах, а не в сырой клетке, ставшей твоим домом. Хотя Му Яна и мучили сомнения, действительно ли жизнь Ю Вэйюаня была такой хорошей, как могло показаться на первый взгляд. Сколько же всего таится у него в душе, просто потому что ему не с кем разделить свою боль. Му Ян наконец заговорил:

– Я просто хочу этого. Вот и все. Иных причин нет.

Услышав ответ, лепестки губ принца приоткрылись, но спустя мгновение вновь сомкнулись в молчании.

– Ну, раз ты так решил... – Ю Вэйюань старался не выдать своего разочарования и говорить спокойно.

Закончив втирать краску в ресницы, Му Ян наклонил голову набок и, не удержавшись, оставил черную точку между бровями.

– Что ты сделал? – холодным тоном проговорил Ю Вэйюань.

Еле сдерживая приступ смеха, демон ответил:

– Ничего такого...

Ю Вэйюань открыл глаза и, бросив на Му Яна злобный взгляд, поспешил взглянуть на себя. Принц уже длитель-

ное время остерегался своего отражения, словно оно было изуродовано, покрывшись тысячью язв. Но на этот раз все было иначе. Он увидел себя прежнего – с черными как воронье крыло волосами, как и у его покойной матушки. Но как бы он ни старался обмануть себя и других, взгляд Его Высочества изменился. Кажется, в нем, в глубине души, что-то умерло. А может, она, его душа, всегда была такой – как бездонный омут: черной и необъятной. А может, на мгновение на этой мертвой земле все же взошли новые ростки, но их явно вырвали с корнем и растоптали в пыль...

– Это не смешно. Что, если краска не отмоется?

Му Ян прыснул со смеху, а после, стерев просочившуюся слезу с уголка глаз, добавил:

– Ну, закрасите киноварью.

– Киноварью?

Улыбка тут же стерлась с лица демона. Он прочистил горло и, подойдя к принцу, присел, смывая с пальцев оставшуюся краску. В кристально чистой воде тут же появились чернильные разводы.

– Ну, Ваше Высочество ведь обязан связать себя узами брака с принцессой Сяо Мэйли. Неужто вы забыли? Или позволите тому распутному демону занять ваше место и жениться вместо вас?

Му Ян только повернул голову, чтобы взглянуть на принца, как тот отвернулся и, зачерпнув воды, поспешил омыть свое лицо.

– Конечно не забыл. – Взглянув вдаль, принц добавил: – Надеюсь, у учителя все хорошо и про наш обман никто не знает. Эта свадьба... – Ю Вэйюань выдержал небольшую паузу, пытаясь сформулировать мысль. И одновременно с этим пытался разобраться в самом себе и своих целях. Что для него остается в приоритете, а что отходит на второй план. Спустя пару фэней он продолжил: – Столько всего случилось, что это меньше, чем я могу пожертвовать, чтобы добиться своей цели.

– Она все же человек, – подметил Му Ян.

Встретившись с демоном взглядом, Ю Вэйюань добавил:

– Я об этом никогда и не забывал.

Принц встал, и с его лица прямо на обнаженное тело стекло несколько капель.

– Нужно отправить учителю письмо. Пусть они с Мао Яньсяо самолично прибудут в Гунхуа за принцессой, а в пути мы с ним поменяемся местами.

* * *

Таверны в Биянья с утра были полны народом. Звонкое пение и смех красавиц разбавлялись игрой на гуцыне и эрхе. Мужчины разных возрастов охотно тратили деньги, наслаждаясь вкусными яствами и приятной компанией. Кроме Цзунсылина Шэнь Панина, который по своей натуре был равнодушен к низменным потребностям человека.

Хань Яоцзу стянул кожаную перчатку с левой руки и до того, как приступил к снятию правой, скользнул оценивающим взглядом по Цзунсылину Шэнь Панину.

– Ваше Высочество...

– Цзунсылин... Чему обязаны вашим прибытием?

Цзунсылин Шэнь Панин усмехнулся, уловив нотки тревоги в голосе Хань Яоцзу. Несмотря на то что сама таверна, как, впрочем, и все государство, принадлежала его семье, Хань Яоцзу чувствовал подвох от этого человека и не стремился доверять ему. Присев напротив, Хань Яоцзу отмахнулся от предлагаемой молодой хозяйкой чаши рисового вина и приступил сразу к делу.

– Вы много лет верой и правдой служите вдали от дома на благо обоим государствам. Однако ваш визит – событие настолько редкое, что даже праздником его не назовешь. И все равно, какова же причина, по которой вы решили встретиться со мной?

– Вы мне не доверяете...

Хань Яоцзу с бесстрастным выражением лица покачал головой:

– Мне следовало бы?

Цзунсылин Шэнь Панин досадно выдохнул:

– Причина, по которой вы напряжены, в том, что я решил поговорить именно с вами, а не с вашим отцом или матерью? И все-таки вы решились лично встретиться со мной.

Юноша решил перейти в словесное наступление, не желая

сдавать позиции. Пусть в его руках и не было власти, но он в этих краях имеет куда большее влияние, чем его собеседник.

– Вы уверены, что это не ловушка?

Этот вопрос лишь раззадорил Шэнь Панина.

– Нет. Хмм... За вами мог быть хвост, но не думаю, чтобы вы согласились на какую-либо сомнительную авантюру.

– Встреча и этот разговор с вами уже ставят меня в невыгодное положение, – подметил Хань Яоцзу.

– Верно... Вы умны и расчетливы. Поэтому, думаю, вы примете мое предложение.

Хань Яоцзу потребовалось лишь взглянуть в глаза Цзунсылина Шэнь Панина, как у него закралось подозрение, что вызвало замешательство. Даже затылок Хань Яоцзу начало покалывать.

– Вы собираетесь устроить государственный переворот? – подавшись вперед, шепотом спросил Хань Яоцзу, то и дело оглядываясь по сторонам, боясь, что кто-то может все-таки подслушать их беседу.

– Напротив, – усмехнулся Шэнь Панин. – Я собираюсь предотвратить переворот, чтобы пострадало как можно меньше мирных граждан. И для этого мне нужна будет ваша помощь.

Так как Шэнь Панин был наставником Ю Байху, а Хань Иньюэ была родной старшей сестрой Хань Яоцзу, то Шэнь Панин явно пришел просить не за Ю Вэйюаня, а за своего ученика. Прикусив нижнюю губу, Хань Яоцзу поразмыслил

и продолжил:

– Но как же наследный принц? Даже если что-то случится с Сыном Неба, трон по праву переходит к его законному младшему сыну от императрицы – Ю Вэйюаню.

– Насчет этого ребенка... Думаю, ты в курсе событий одиннадцатилетней давности.

– Вы про несчастный случай, после которого брак Ю Байху и моей старшей сестры ускорили?

– Именно... Тогда я лично помогал Ю Байху расправиться с его младшим братом. Но этот Люй Яо помешал нашим планам, поэтому пришлось действовать иначе. В любом случае Ю Байху остался в выигрыше.

Хань Яоцзу оскалился:

– Моя сестра – самый драгоценный нефрит, но она не вещь, которую можно заполучить.

– Ваша связь сильна. Вы так заботитесь о своей старшей сестре. Вот только ваши родители отправили ее в логово к тигру, вовсе не заботясь о том, что ждет бедняжку в будущем.

– Моя сестра даже в логове с тиграми не пропадет, ее не сломить. – Хань Яоцзу прикрыл глаза в попытках успокоиться, ведь, когда речь заходила о его цзецзе, ему едва ли хватало терпения держать себя в руках.

– Даже императоры чахнут на золотых тронах. Что уж говорить о бедной девушке.

– Мне не нравится этот разговор. Если вы что-то хоти-

те, говорите прямо, Цзунсылин Шэнь Панин. Если нет, тогда разговор закончен.

– Отчего же, я как раз предпочел разговор с вами, а не с вашим отцом. Думаю, это несправедливо, что лучшие мастера по оружию и пусть малая часть, но все-таки войска, способные подчинять себе духовные силы, сидят поджав хвост под юбкой у женщины. Думаю, все были бы рады, будь власть в ваших руках. Воины куда охотнее поднимут оружие и пойдут сражаться под командованием наследного принца Цзунь-Вана. Не поймите меня неправильно и не думайте, что я хочу как-либо оскорбить вашу матушку. Просто, думаю, несправедливо, что вам пришлось уродиться наследником – мужчиной, на единственном клочке земли, где царит матриархат.

– Думаю, то же самое можно сказать по отношению к любой даме благородного рода, – подметил Хань Яоцзу.

– Но вы же сами желали, чтобы ваша сестра осталась просто хрупкой женщиной, которой не следует совать нос в политические интриги. – Голос Цзунсылина был спокойным и ровным. Он знал, на что следует давить, чтобы заставить собеседника засомневаться. В случае Хань Яоцзу все было еще проще.

– Вашей сестре суждено в будущем стать императрицей. А кем суждено стать вам, Ваше Высочество?

– Чего вы добиваетесь от меня? – пронзив решительным взглядом собеседника, спросил Хань Яоцзу.

– Я хочу, чтобы семьи Хань и Ю объединились против врага. Мне нужна ваша преданность. Ваше слово...

– Вы все-таки хотите устроить переворот. – Хань Яоцзу тяжело выдохнул. – Вам нужно оружие? Войско? Разве вы сами не участвовали в сражениях? Вы просите меня о невозможном. Как только начнется борьба за трон, неминуемо поднимется мятеж. Однако семье Хань незачем вмешиваться в эту войну. От наших горячо любимых родственников ничего не осталось, поэтому это лишь ваша борьба.

– Она уже началась, и, боюсь, есть те, кто разобрался, как использовать техники вашего клана, если не является прямым кровным потомком.

– Это невозможно. – В голосе Хань Яоцзу послышались нотки нервозности.

Шэнь Панин скрестил руки на груди и, откинувшись назад, продолжил:

– Недавно я видел одного такого мертвеца. Белые длинные волосы, серые глаза. Никого не напоминает?

– Вы думаете, кто-то намеренно оживил названного сына императора? – Его голос дрогнул. – Но для каких целей?

– Точных намерений этого человека я не знаю. Но догадываюсь, кем он может быть. Впрочем, я не привык доверять людям, даже если нами движут одни цели. На драконьем троне я вижу лишь одного императора, и это Ю Байху.

Хань Яоцзу встал из-за стола:

– Мне нужно идти... Отец и матушка должны знать на-

счет клана Чжоу. Если вы говорите правду, то мы непременно окажем вам содействие в этом деле.

Хань Яоцзу кивнул Цзунсылину Шэнь Панину и уже хотел отправиться во дворец, как несколько крепко сложенных стражников обнажили клинки и преградили ему выход.

Отпив чарку рисового вина, Цзунсын Шэнь Панин выдохнул и улыбнулся, сказав:

– Вы, Ваше Высочество, никуда не пойдете...

Глава 31. Правда, что ранит больнее ножа

– Цзунсылин Шэнь Панин, что ты себе позволяешь! – Хань Бэйшэн стиснул зубы и без промедлений скрестил меч с одним из подчиненных Шэнь Панина.

Шэнь Панин всегда был одним из лучших военных деятелей своего времени. Бесстрашный как в бою, так и в жизни. От этого люди, находящиеся у него в подчинении, прекрасно знали, что стоит послушаться приказа Цзунсылина, как им точно не сносить головы. Поэтому, несмотря на то что они находились на чужой земле, ни один воин Шэнь Панина не отступил бы, даже если бы против него восстало многочисленное войско.

Послышался лязг металла. Хань Бэйшэн отбросил паренька, что не побоялся встать между ним и Цзунсылином, в сторону. Хань Бэйшэн тяжело выдохнул и, нахмурившись, встретился с Цзунсылином взглядом.

На мгновение в таверне воцарилась тишина, и лишь отдаленный гулкий цокот женских туфель, на каблуках не спеша поднимающихся по деревянным ступеням, откликался в сердцах присутствующих. Только Шэнь Панин и его подчиненные смогли сохранить спокойствие, когда в таверне по-

явилась сама Нюй-ван Хань Ян³.

Ее, хранительницу Биянья, можно было бы сравнить с прекрасным клинком, выкованным в поту и огне знающего свое дело кузнеца. Хань Ян была невысокого роста, но всегда держала осанку и с гордо поднятой головой ступала по своим владениям. Ее черные волосы были аккуратно собраны в строгую прическу и украшены золотыми шпильками. мех рыжей лисицы, которым была оторочена ее теплая накидка цвета крови, не мог затмить сияние глаз Нюй-ван Хань Ян, подчеркнутых золотой подводкой.

Стоило благородной персоне зайти в таверну, как все тут же опустили глаза, поспешив поприветствовать свою Нюй-ван Хань Ян.

Наверное, именно манеры Хань Ян больше всего раздражали Шэнь Панина. Он и Ю Байху, пока тот находился под его покровительством, воспитал как воина и защитника. А каково человеку, имеющему консервативный взгляд на жизнь, видеть перед собой женщину и разговаривать с ней на равных, обсуждая политические интриги и дальнейшие планы всей Поднебесной. Однако другого выбора у Цзунсылина Шэнь Панина не было. Подобная выходка, как вызвать ее сына на отдельный разговор, а потом схватить, была для него единственной возможностью как-либо вывести Хань Ян из дворца. Не то чтобы Шэнь Панин был не обучен этикету или невежественен. Но таков уж был его нрав: все знали о

³ Нюй-ван (##) – «женщина-царь» / «царица».

его любви к патриархату и неповиновении здешним уставам.

Хань Бэйшэн перевел взгляд на Хань Яоцзу, к горлу которого был приставлен острый нож. Тот тяжело сглотнул и хотел было стыдливо опустить глаза, но держащий его стражник не дал этого сделать. Поэтому он прикрыл глаза, чтобы хоть как-то спрятаться от тяжелого взгляда отца.

В отличие от своего супруга, Хань Ян спокойно села напротив Цзунсылина Шэнь Панина и даже попросила хозяйку таверны принести ей чаю, а девушкам жестом приказала продолжить игру на гуцыне и пипе.

Казалось, напряжение спало, однако ее поведение лишь сильнее злило Шэнь Панина, но Нюй-ван Хань Ян его совсем не боялась. Хозяйка заведения поспешила подать горячий чай и сладости.

Поблагодарив, Хань Ян отпила немного ароматного напитка. Она вела себя как настоящая хозяйка этого места, притом не забывала об этикете и уважении к жителям своего государства. Нюй-ван Хань Ян прекрасно осознавала свой статус, с равной легкостью держалась и в стенах дворца, и среди простого народа в таверне. Даже если вокруг нее танцевали полуголые девицы, а на первом этаже потные кузнецы ковали смертоносные орудия.

Женщина не удосужила своего младшего сына взглядом. Шэнь Панин хмыкнул, почувствовав тяжелую ауру этой женщины. Наверное, желай он обзавестись женой и детьми и будь его супругой женщина с подобным характером, их дом

не пережил бы и первой ссоры.

Чаша опустилась на блюдец с неприятным скрежетом, режущим слух. Нюй-ван Хань Ян заговорила первой:

– Вы хотели поговорить... Я слушаю вас.

– Я хотел обсудить дела с вашим сыном, но, – Шэнь Панин посмотрел на Хань Яоцзу и, усмехнувшись, не сдержался, чтобы не съязвить: – Без разрешения своей матушки он не может ступить и шагу.

На Хань Бэйшэна Шэнь Панин даже не взглянул, считая его пустым местом, все внимание мужчины было приковано к сидящей напротив него Нюй-ван Хань Ян.

– Времена меняются. Люди меняются. Власть, – женщина выдержала небольшую паузу и, усмехнувшись, добавила: – меняется. Один вы, Цзунсылин Шэнь Панин, – Нюй-ван Хань Ян подняла тяжелый взгляд на собеседника, – не меняетесь. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Что вам нужно?

Шэнь Панин цыкнул и дал знак рукой своему подчиненному отпустить Хань Яоцзу. Высвободившись из крепкой хватки, юноша дернул плечом и поправил ворот своего одеяния. Нож, что до этого держал стражник, впился острым наконечником ему в шею, отчего из раны просочилась капля крови, но Хань Яоцзу не придавал этому значения, стараясь сохранить достоинство. Выражение лица Хань Бэйшэна было нечитаемым. Он знал, что такого человека, как Шэнь Панин, лучше держать при себе в качестве союзника. Уж лучше его убить, нежели нажать врага в его лице. Однако Шэнь

Панин был не настолько глуп, чтобы вести себя безрассудно и покушаться на жизнь Хань Яоцзу. Во всяком случае, причина должна быть весомой, раз уж он решился на ход подобного рода.

– Думаю, вы в курсе того, что произошло с вашей дочерью.

Уголок губ Нюй-ван Хань Ян потянулся вверх, едва она услышала слова Цзунсылина. Постукивая тонкими пальцами по ободку глиняной чаши, Нюй-ван Хань Ян произнесла:

– Возможно...

– Наш уговор в силе после случившегося?

Нюй-ван Хань Ян игриво пожала плечами. Казалось, она нервничала, но пыталась держать лицо. Хань Яоцзу, слыша их разговор, никак не мог понять, в чем дело, так как его ма-тушка и Шэнь Панин всегда говорили намеками. Шэнь Панин выдержал небольшую паузу и, скрестив руки, подался вперед:

– Мне кажется, Ю Байху был не в курсе того, что провернули у него за спиной. Он бы не позволил этому случиться.

Нюй-ван Хань Ян прищурила глаза и произнесла, едва сдерживая гнев:

– Это всего-то ваше оправдание. Оно не может вернуть здоровье моей дочери.

– Вы сами выдали ее замуж и отправили в Чжиюнхай. Риски, что тебе навредят, всегда велики. Чем выше забираетесь, тем больше падать с высоты.

Женщина покачала головой и тяжело выдохнула. Ее ресницы дрожали, а щеки, и без того покрытые румянцем, налились кровью.

– Зачем вы пришли сюда? Не думаю, чтобы поговорить о случившемся.

У Хань Яоцзу встал в горле ком. Он хотел было вмешаться в разговор, но понимал, что подобная выходка выйдет ему боком. Но его сердце стало биться быстрее. Он не понимал, что случилось с его старшей сестрой. Однако подозревал, что явно что-то нехорошее, раз уж его родители скрыли это от него. Хань Яоцзу и без того навел смуту и вызвал гнев родителей, придя сюда без их ведома. Но он тоже часть их семьи и имеет право знать правду о своей цзецзе. Хань Яоцзу сжал кулаки и прикусил язык, продолжая хранить молчание. Его рот наполнил железный привкус крови.

Цзунсылин Шэнь Панин посмотрел на Хань Яоцзу, а после снова перевел взгляд на сидящую перед ним Нюй-ван Хань Ян, сказав:

– Тогда, уже как одиннадцать лет назад, когда мы с вами заключили союз, чтобы избавиться от наследника престола Ю Вэйюаня, мальчик все равно остался в живых. Люй Яо, конечно, не обделен способностями, но я что-то сомневаюсь, что он один смог убить стольких хорошо обученных убийц. Еще тогда у меня появились сомнения по этому поводу. Несмотря на несчастный случай, вам все же удалось обречь Ю Байху с Хань Иньюэ. – Цзунсылин тяжело вы-

дохнул. У него начинала болеть голова: – Так наша сделка еще в силе?

– Мне незачем марать руки в этой игре за престол и власть. Мне это ни к чему. Вы всегда могли рассчитывать на поддержку Биянья, но не когда все обернулось подобным образом. Даже если Ю Байху не станет императором, он не успел обзавестись наследником, а значит, моим внукам не угрожает никакая опасность.

– Но у вас, в отличие от Ю Байху, есть еще один наследник. – Цзунсылин Шэнь Панин оскалил свои белые зубы.

Нюй-ван Хань Ян кивнула и, проведя пальцем по ободку глиняной чаши, размазала красный отпечаток от своих губ. Она слегка толкнула чашу с чаем, и содержимое вылилось на деревянный стол, образовав лужицу.

– Вздумали мне угрожать?

Шэнь Панин щелкнул языком и, откинувшись назад, сказал:

– Это всего лишь предупреждение... – выдержав небольшую паузу, добавил: – Пока...

В таверне воцарилась тишина. Нюй-ван Хань Ян дала знак рукой, и пара людей, что все это время находились в таверне, поспешили удалиться.

Хань Ян смотрела на Шэнь Панина, не отводя пристального взгляда. То ли пытаюсь достучаться до его совести, если она еще имелась в этом теле. То ли все же надеялась, что у нее получится сжечь этого человека взглядом и развеять его

прах по ветру.

Хань Яоцзу, хранивший все это время молчание, стиснул челюсти и, теряя последние крупницы терпения, поднял взгляд на своего отца. Тот продолжал стоять к нему спиной. Хань Яоцзу был молод, и в его жилах текла горячая кровь. Вот только он уже не был ребенком и не собирался позволять, чтобы его использовали как рычаг давления на других.

– Отец, – прокричал Хань Яоцзу и сделал шаг вперед.

Подчиненный Шэнь Панина, все это время находившийся подле Хань Яоцзу, тут же обнажил меч и преградил ему путь. Глаза Хань Яоцзу налились кровью. Он обхватил ладонями лезвие и пнул стражника в живот.

– Что тут происходит?! Отец!

Хань Яоцзу продолжил звать к своему отцу. Но тот, всегда находившийся навеселе, не спеша то и дело покусывая трубку, на этот раз выглядел непривычно серьезным. Стоило начаться драке, как Хань Яоцзу тут же повалили на пол, скрутив руки за спиной. Стражники крепко держали его, предотвращая любые попытки сопротивления, но юноша продолжал звать к своим родителям, в надежде услышать от них правду.

Губы Нюй-ван Хань Ян приоткрылись, и она наконец заговорила:

– Внизу стоит стража. Эти земли принадлежат мне, вы не можете появляться здесь и творить все, что вам вздумается.

Правая щека Хань Яоцзу царапалась о деревянный пол.

Его взгляд был прикован к подолу одеяния матери. Она сидела за столом и вела беседу с Шэнь Панином в чьей от него. Неожиданно послышался женский крик, а затем черный сапог Хань Бэйшэна оказался подле лица Хань Яоцзу.

Маленький белый паук пытался добраться до Хань Яоцзу, но прежде, чем он успел укусить юношу, его отец предотвратил опасность, раздавив его. Хань Бэйшэн, хранивший молчание долгое время, наконец подал голос:

– Не ожидал от вас подобной выходки. С каких пор вы играете так грязно? Вы привели сюда демона-марионетку?

По выражению лица Цзунсылина Шэнь Панина можно было догадаться, что он удивлен больше, чем сам Хань Бэйшэн. Казалось, этот человек расчетлив и способен предугадать все на свете. Он никогда не играл грязно, всегда сражаясь в открытую.

Не понимая, о чем идет речь, Цзунсылин Шэнь Панин покачал головой:

– Я никого не приводил!

Лязг металла и шумные разговоры жителей, доносившиеся с улицы, неожиданно сменились криками и воплями. Все еще не понимая, что на самом деле происходит, Шэнь Панин встал из-за стола и подошел к окну: небо заполонили черные тучи.

Стоило Шэнь Панину высунуть голову из окна, ему в лицо ударил холодный ветер, а от пыли вперемешку со снегом застезились глаза. Сквозь пелену слез он увидел Лань Шицана,

от которого веяло смертью. Люди, словно муравьи, уносили ноги, спасая собственные жизни.

Но слухи о том «Как закален мужчина из Биянья, так же крепок его клинок» были не пустым звуком. Несколько взрослых мужчин, что до этого находились в кузницах, обнажили острые клинки, готовясь в любой момент атаковать.

Стража, что прибыла из дворца, сопровождая свою Нюйван Хань Ян, тоже приняла боевую позицию.

– Какого демона он тут делает? – огрызнулся Шэнь Панин.

Лань Шицан поднял на Шэнь Панина свой холодный взгляд и усмехнулся. Демон раскрыл ладонь, скапливая темное Ци и готовясь защищаться. Шэнь Панин оставил этого демона в лагере за пределами Биянья. Он не доверял ни ему, ни тем более Муоуши, что управлял ожившими марионетками. Шэнь Панин желал привлечь на свою сторону Хань Яоцзу, чтобы договор с семьей Хань не был расторгнут из-за несчастного случая с Хань Иньюэ. Но Цзунсылину Шэнь Панину хватило лишь короткой беседы с Хань Яоцзу, чтобы понять, что у этого паренька не хватит духу пойти против своих родителей, а значит, другого выхода, кроме как похитить наследного принца Биянья и использовать его в качестве рычага давления, у Шэнь Панина не было. К тому же если Муоуши, управляющий марионетками, поможет сломить и подчинить волю Ю Вэйюаня, то каковы гарантии, что в какой-то момент он сам не захочет сесть на трон и не погубит их всех? Шэнь Панину было выгодно, чтобы жители Би-

нянья были живы. Ведь только заклинатели с чистой энергией Ян могли избавить простых смертных, угодивших в сети яда Бяньхуа. Оттого Шэнь Панину было невыгодно убивать их всех без разбору. А что творит этот сумасшедший?

Шэнь Панин не сдержался, чтобы не обругать марионетку, стоящую посередине улицы Биянья, проклятиями. Как же Шэнь Панин ненавидел этих стратегов и всех, кто играет из тени, просиживая задницы в тепле, пока другие в поту и крови сражаются за будущее своей страны, преодолевая страх смерти. Шэнь Панин махнул рукой и поспешил спуститься вниз, оставив несколько крепких стражников следить за Хань Яоцзу.

Нюй-ван Хань Ян тоже встала из-за стола. Она тяжелым взглядом посмотрела на сына, чья щека была прижата к полу сапогом стражника. Но в этом взгляде читалось, что женщина ведет внутреннее сражение и оно куда тяжелее того, что бывает на поле боя. Одним Небесам известно, сколько всего скрывается в сердце матери, скольким она может пожертвовать ради благополучия своих детей. Однако для Нюй-ван Хань Ян ее детьми были не только Хань Иньюэ и Хань Яоцзу, но и все жители Биянья, включая больных стариков, молодых девушек, храбрых юношей и беззащитных детей. Хань Яоцзу увидел, как его отец тяжелым шагом направился за ней.

Спускаясь по лестницам, Хань Ян тяжело выдохнула и протянула вперед правую руку. Ее супруг Хань Бэйшэн, шед-

ший следом, поспешил к ней, дабы помочь удержать равновесие. Ощувив холодное прикосновение, он слегка сжал пальцы, чтобы хоть как-то согреть свою супругу. Она ужасно нервничала, но до последнего скрывала плохое самочувствие под маской уверенной Нюй-ван Хань Ян.

– Ты в порядке? – голос Хань Бэйшэна был обеспокоенным.

Нюй-ван Хань Ян покачала головой и выдавила из себя беззаботную улыбку:

– В порядке...

Когда ты правитель, не только от твоих решений зависит судьба твоего народа, но и от того, насколько хорошо ты можешь держать лицо. Когда правитель не прячется позади своей армии, а смело обнажает клинок и с уверенностью в победе сражается бок о бок со своими подчиненными, только тогда дух армии достигает своего предела. Она не имеет права показывать свою слабость. Только не сейчас, только не перед Шэнь Панином.

Она медленно спустилась вниз по лестнице. Мечники, что до этого без колебаний вступили в бой с Лань Шицаном, были повержены и лежали без чувств. Она окинула их холодным взглядом и, уловив смутную, жизненную энергию в их телах, с облегчением выдохнула.

Шэнь Панин стоял возле Лань Шицана, и, несмотря на то что они были на одной стороне, мужчина приставил наколечник своего массивного меча к груди демона, продолжая

испепелять его своим взглядом. Мечники из Биянья, не желая сдаваться, вновь взяли за оружие и, насыщая его своей светлой Ци, готовились к новой атаке. Вот только воины Шэнь Панина встали перед ними, не позволяя им вмешиваться.

Нюй-ван Хань Ян еще до этого почувствовала снаружи мощную демоническую энергию, но, стоило оказаться подле этого белокурого демона, она поняла, что так просто с ним не справиться. Конечно, когда враг проник в твои владения, несмотря на многочисленные жертвы, расправиться с ним будет куда проще, чем если отступить. Но сейчас, будучи более опытной, она чувствовала, что рядом с ними находится еще один демон, а возможно, даже два, которые либо неумело скрывали свое местоположение, либо намеренно не скрывали своего присутствия.

Она повернула голову и замерла, встретившись с бесстрастным взглядом Лань Шицана. Тот, кто находился в паре ли от них, обладал схожей Ци, но она немного отличалась от той, что текла в жилах демона. Кроме того, судя по лицу Шэнь Панина, он и сам не был в восторге от того, что происходит. Хань Бэйшэн обнажил меч и встал рядом с Хань Ян, готовый в любой момент защищать и атаковать. Уголок губ Лань Шицана игриво потянулся вверх, а спустя мгновение со второго этажа таверны послышался крик Хань Яоцзу. Хань Ян почти не изменилась в лице, но ее сердце больно сжалось. Спустя еще мгновение криков стало куда больше. Они раздавались со всех сторон, смешиваясь и превращаясь во что-

то ужасное, от чего хотелось зажать уши, чтобы не слышать этих кошмарных воплей.

Хань Ян сделала шаг вперед и строго произнесла:

– Прекрати это!

Лань Шицан кивнул:

– Я не собираюсь никого убивать. Просто так я буду уверен, что мечи Биянья не направятся против нас.

Хань Ян кивнула, и Хань Бэйшэн отдал приказ, чтобы те, кто продолжал наступление, опустили оружие.

Холодный взгляд демона переместился на стоящего перед ним Шэнь Панина, все еще державшего клинок, острый наконечник которого упирался в его грудь. Лань Шицан мягко произнес:

– Будьте сдержаннее, Цзунсылин. Я понимаю, что вы мне не доверяете, но и я до конца не доверяю вам, поэтому и поступил подобным образом. Теперь, – Лань Шицан раскрыл ладонь, на которой сидел паук белого цвета, – когда мои маленькие друзья находятся под кожей почти каждого жителя, включая наследного принца Хань Яоцзу, вам некогда строить планы, как отомстить или помешать нам. Будем союзниками и впредь, а если вздумаете обмануть мое доверие, то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.